

~~Р~~
~~Г 96~~

Дмитрий
Гусаров

За

чертой
милосердия

ЦГБ Петрозаводск

80393973

2780

19.03.2015

Р
Г 96

951

Р

59
- 06 7

Дмитрий
Гусаров

За чертой милосердия

Роман-хроника

951-34

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРЕЛИЯ»
ПЕТРОЗАВОДСК 1977

P2
Г 96

702

Дружеское
Сотрудничество

Милосердие за рубежом

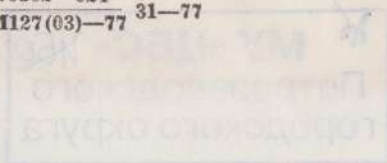
Репродукция

024-54

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРЕЛИЯ»
ПЕТРОЗАВОДСК 1977

Г 70302—024 31—77
М127(03)—77

© «Карелия», 1977

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Из приказа Штаба партизанского движения при Военном Совете Карельского фронта

13 июня 1942 г. г. Беломорск

1. Командиру 1-й партизанской бригады, майору тов. Григорьеву и комиссару, ст. политруку тов. Аристову в составе шести отрядов 29 июня с. г. с исходного положения поселок Сегежа выйти в район тыла противника, ограниченный пунктами Пряжкила, 2-я Кумса, Кондопога, Петрозаводск, Шотозеро, Суоярви, Лубо-Салми, на срок не менее двух месяцев.

2. Линию охранения противника перейти в районе между пунктами Кала-ярви и Лин-ярви, после чего сосредоточить отряды бригады в районе Поросозеро.

3. Боевой задачей партизанской бригаде поставить: Первое: Не обнаруживая себя преждевременными партизанскими действиями, напасть на штаб 2 АК в Поросозере, захватить пленных и штабные документы, уничтожить живую силу и склады.

Второе: Выполнив первую задачу, приступить к постоянному нарушению коммуникаций противника сроком на 20 дней в следующих пунктах: силами двух отрядов — шоссейные дороги Поросозеро — Юстозеро, Поросозеро — Пряжкила, Поросозеро — Спасская Губа; силами двух отрядов — железную и шоссейную дороги Медвежьегорск — Кондопога и шоссейную дорогу Кяпясельга — Уница; силами двух отрядов — железную и шоссейную дорогу Петрозаводск — Суоярви и шоссейные дороги Петрозаводск — Пряжа, Петрозаводск — Кондопога и Петрозаводск — Спасская Губа.

Третье: Выполнив вторую задачу, сосредоточить отряды бригады в районе Кондопоги, совершить налет на Кондопогу, уничтожить штаб 7 АК, станцию и железнодорожные пути, военные учреждения и живую силу противника, захватить пленных и штабные документы, после чего отойти.

Четвертое: После выполнения третьей задачи сроком на 12 дней повторить выполнение второй задачи.

4. О дальнейших действиях бригады указания будут даны дополнительно.

5. На время похода в тыл противника запас продовольствия и боеприпасов взять с собой в вещевые мешки и на лошадях при помощи вьюков и волокуш. Во время нахождения в тылу противника пополнять запасы продовольствия за счет охоты и рыбной ловли.

Примечание: В случае критического положения с продовольствием и боеприпасами и невозможности получения их в тылу противника — бригада в исключительных случаях будет снабжаться боеприпасами и продуктами с самолетов. Запрос об этом должен быть сделан по радио и точно указан пункт нахождения бригады, сигналы для самолета и время (час, день).

6. Связь держать при помощи радиостанции по специальному расписанию.

7. Выход бригады из тыла противника ранее установленного срока может быть только с разрешения партизанского штаба по радио. При особо тяжелых обстоятельствах, при невозможности получить разрешение на выход из тыла по радио или через связных — командир и комиссар бригады принимают решение самостоятельно.

Нач. штаба партизанского движения при ВС КФ — комбриг ВЕРШИНИН

Члены:

Нач. РО Кар. фр. — полковник ПОВЕТКИН

Зав. Воен. отд.

ЦК КП(б) КФССР — КАРАХАЕВ

Согласен: Член Военного Совета Карельского фронта — бригадный комиссар КУПРИЯНОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(пос. Услаг, 30 июня 1942 г.)

I

Бараки в поселке были заняты батальоном пограничников, державшим линию охранения вдоль реки Сегежа, и партизанская бригада, переправившись на западный берег, расположилась на отдых в лесу.

Всем отрядам капитан Колесник определил полосу обороны, наметил огневые точки для пулеметов, расписал очередность дежурства по бригаде и потребовал, чтобы это же было сделано в каждом отряде. Действовал он самостоятельно, с сознанием полного своего права поступать так, не ожидая приказа комбрига. Лишь убедившись, что его распоряжения выполняются, Колесник доложил обо всем Григорьеву.

Григорьев все одобрил, хотя кое-что в распоряжениях начальника штаба показалось ему излишней предосторожностью. После тяжелого ночного перехода люди вымотались и, может, не следовало бы сейчас держать столько постов и дежурств. Прямой необходимости в этом не было. Впереди — сорок километров ничейной земли, да к тому же охрану держат пограничники.

— Хорошо, — еще раз кивнул Григорьев и внимательно посмотрел на Колесника, успевшего уже начертить схему обороны бригады. — Вот что, начальник штаба! Выход назначаю на двадцать три ноль-ноль. В двадцать — совещание командиров и комиссаров отрядов. Пора в общих чертах познакомить их с боевой задачей. В восемнадцать — отправим еще одну раз-

ведку к финской полосе охранения... Сам вместе с Николаевым подбери ребят — ходких и выносливых, человек девять-десять, больше не надо. Кого командиром, как думаешь?

— Думаю, Полевика.

— Согласен. Перед выходом комиссар намечает провести отрядные партийно-комсомольские собрания. Запланируй время на это. А сейчас пусть обедают и до двадцати — всем отдых! Людям надо выспаться как следует. Переход-то мы с тобой тяжелый им задали, а?

Григорьев подождал — не скажет ли на это Колесник чего-нибудь, но тот промолчал.

— Я пройду по отрядам. К завтраку вернусь.

Григорьев постоял, неторопливо оглядывая бивуак, потом — легко и быстро, как привык ходить всегда, — зашагал, помахивая неразлучной тростью, к реке, в расположение «единицы» — отряда имени Тойво Антикайнена. Недавно приказом по штабу партизанского движения отрядам вместо номеров были вновь присвоены наименования, как было это в начале войны, в период их создания. Этого добивались все — и бойцы, и командиры — хотя сами же продолжали называть отряды по номерам.

С погодой вроде повезло. Весь июнь стояли холода, однажды в Сегеже даже снег выпал, а как только вышли на задание — день словно по заказу: безветренно, солнечно, тепло. Хотя трудно сказать, хорошо это или плохо. Конечно, в такую погоду и настроение у людей лучше, и костров для обсушки не требуется. Однако для маскировки, особенно с воздуха — будешь и ненастью рад. Сегодня за ночь бригада оставила за собой две черных тропы, которые наверняка различимы с самолета... Теперь уже ясно, что открытые места надо или обходить, или пересекать развернутым строем. Еще вчера об этом как-то и не думалось. Там, в Сегеже, все подобное казалось пустяком, там думалось о главном, а вот вышли в поход — и каждая мелочь таит в себе непредвиденную опасность. Сколько их встанет еще на пути бригады?

Вот и решай: ясный день — хорошо это или плохо?

Сегодня — несомненно хорошо! По всему лесу ве-

село позвякивают котелки, жарко потрескивают костры, звенят топоры и пилы, тесным кружком у огня сидят люди — покуривают, пересмеиваются и кой-где даже поют вполголоса. Словно бы и не они несколько часов назад с трудом добрались до реки и думали, наверное, не о каше и кружке чаю, а о том, как бы поскорее завалиться куда-нибудь поукромнее и спать, спать, спать.

А сейчас вон нашлись даже любители рыбной ловли. Сидят у реки на бревнах, помахивают удилицами-скороделками, как видно, перед сном рассчитывают ухи похлебать.

— Ну как — клюет? — крикнул сверху Григорьев, хотя и без этого было видно, что клюет, и клюет отменно: серебристые плотички то и дело взлетали в воздух и шлепались на песок.

— А как же, товарищ комбриг! Не хотите побаловаться?

— С удовольствием. На что ловите?

Ловили на всякое. За наживкой далеко не ходили — кто муху поймает, кто отвернет от бревна кусок коры, разыщет червячка-короеда — все годится на крючок.

Григорьев с детства любил рыбалку. Конечно, не такую, как эта, а настоящую, на лудах, с хорошим запасом червей и крепкой снастью, чтоб можно было безбоязно выводить килограммового окуня. У них в Паданах у каждого мальчишки были свои излюбленные места, и выезжали на них не для удовольствия, а потому, что летом забота о рыбе для семьи была уделом ребятишек.

Да и тут баловство — баловством, а минут за десять — пятнадцать натаскал комбриг чуть ли не котелок рыбы. Только успеешь закинуть, пробочный поплавок дернется раз-другой и круто уходит под воду. Плотва гуляла по верховодью и за наживкой бросалась стаями.

— В штаб отнести? — кивнул на рыбу партизан, у которого Григорьев брал удочку.

— Не надо, вари на здоровье.

— Ну тогда, товарищ комбриг, на уху приглашаю. Конечно, из плотвы какая уха? Но все повкусней корюшки, помните?

Еще бы не помнить... Эта пудожская корюшка, наверное, до конца дней будет преследовать своим запахом. Почти месяц не имела бригада другой еды, кроме корюшки... Шальские рыбаки привозили ее прямо на лодках, еще живую, трепещущую. А вечерами отрядные повара, чертыхаясь, выгребали ковшами из котлов несъеденное варево. Сладковатый, приторный, бессолевой корюшковый запах, казалось, висел в воздухе над всем онежским побережьем, а партизаны, почти с отвращением, заставляли себя съесть порцию корюшки — вареной, жареной, все равно какой...

В расположении отряда «Боевые друзья» Григорьев встретил Аристову, который, сидя на пенке, что-то горячо втолковывал стоявшему перед ним невысокому, тихому и всегда чем-то смущенному Петру Поварову, недавно выдвинутому из политруков на должность комиссара отряда.

Григорьев хотел пройти мимо и не мешать их разговору, но Аристов догнал его и пошел рядом.

— Опять в войну играем... Люди недовольны.

— Чем? — Григорьев сразу уловил, что имеет в виду комиссар. Их неприязненные взаимоотношения с начальником штаба были для него хуже зубной боли.

— Посты, дозоры, наряды, дежурства... Треть личного состава занята... Разве есть в этом сегодня прямая необходимость?

Оттого, что Аристов задал свой вопрос почти теми словами, которыми полчаса назад Григорьев спрашивал себя, он вдруг разозлился:

— Нет, сегодня прямой необходимости нет.

— Почему же не отменишь?

— Потому что согласен с Колесником. Это все нужно нам делать не для сегодняшней, а для завтрашней необходимости.

— Общю и сложно. Такая формула годится на все случаи жизни.

— А нам, комиссар, и нужна такая система сторожевого охранения и готовности, чтоб годилась на все случаи. Сзади, спереди, слева, справа — откуда бы и когда бы ни напали... И чтоб каждый до автоматизма привык к этому. Не пугайся, автоматизм в военном деле вещь необходимая, и я не сам это придумал,

у Энгельса вычитал. Ты говоришь, люди недовольны. Жаловался кто-либо?

— Не хватало, чтоб жаловаться начали... По настроению чувствуется.

— Я и то удивился... Ну ладно, пойдем перекусим, да отдохнуть пора.

— Связь с Беломорском была?

— Первую радиограмму отдал радистам.

Григорьев шел, слушал, разговаривал, а в голове все время держалась мысль: какая это странная и необъяснимая вещь — человеческие отношения... Люди по существу еще не знают друг друга, а уже наготове — или симпатия, или неприязнь. Не оттого ли и рождается неприязнь, что каждый торопится найти у другого симпатию к себе? Особенно у молодых, которым все подавай сразу и без всяких оговорок... Но ведь Аристов уже не молод, тридцать лет стукнуло, бывший секретарь райкома партии. Должен же он понимать, что нельзя строить свое отношение к человеку только на том основании, что при первой встрече тот не выказал тебе должного уважения! И Колесник тоже хорош! Строит из себя оскорбленную добродетель и с комиссаром держится с такой подчеркнутой вежливостью, от которой на версту разит плохо скрываемым презрением.

Началась эта история с первого дня.

Колесник появился в бригаде, хотел сразу же приступить к исполнению обязанностей, но письменного приказа из Беломорска не привез. Григорьев, основываясь на своем разговоре с Вершининым, написал приказ по бригаде, показал Аристову, но тот вдруг возразил:

— К чему такая спешка? Приказа из Беломорска нет, человека я почти не знаю... Не взводного назначаем.

Григорьев даже растерялся. Такого между ним и комиссаром раньше не бывало. Стал объяснять, что Колесник не кто-то со стороны, а свой человек, бывший начальник пограничной заставы, зимой командовал спецотрядом, дважды ходил в тыл на операции, награжден орденом Красного Знамени. Чем больше он нахваливал нового начальника штаба, тем суровее и несговорчивей Аристов повторял:

— Не взводного назначаем. Будем ждать приказ! Григорьев и теперь не знал — рассчитывал ли Аристов кого-то переубедить в Беломорске или просто хотел настоять на своем первом слове, но приказ по бригаде так и остался неподписанным.

Тогда Григорьев рассвирепел. Молча повернулся, вышел, велел собрать командиров отрядов, представил им нового начальника штаба.

Приказ из Беломорска о назначении Колесника пришел через неделю, 20 июня, за девять дней до похода.

Казалось, вся эта история должна была в первую очередь наложить отпечаток на отношение Аристова к нему, комбригу, но получилось как-то совсем странно. Их добрые отношения никак не пострадали, зато Аристов и Колесник едва переносили друг друга. Дважды за выпивкой Григорьев пытался мирить их, пили на брудершафт, но назавтра опять становились — один настороженно придирчивым, другой — подчеркнуто вежливым и слегка насмешливым.

II

Обед уже ждал командиров. Котелки с гороховым супом-пюре, с кашей и крепко заваренным чаем стояли возле догорающего штабного костра. Связные Василий Макарихин и Борис Воронов расстелили на земле плащ-палатки, достали сухари, ложки, кружки, но в это время подошедший Колесник сообщил, что командир батальона пограничников настоятельно приглашает командование бригады на обед к нему.

— Ну что ж, ребята! — весело сказал связным Григорьев. — Вам сегодня повезло. Ешьте сами, что наварили. Как, комиссар, сходим?

— Познакомиться не помешает, — поднялся Аристов.

Пошли втроем. Колесник знал дорогу, и минут через десять они входили в приземистый, покосившийся от бомбежек барак, укрепленный свежими подпорками.

Стол был накрыт в тесной комнатухе с полевым телефоном и железной кроватью в полутемном углу.

Комбат — молодежавый, рослый капитан, одетый в суконную, чуть ли не до колен гимнастерку, с орденом «Красной Звезды» и медалью «XX лет РККА», четко представился по очереди Григорьеву и Аристову и в ответ на их представление дважды повторил:

— Очень рад, прошу... Очень рад, прошу...

С Колесником, как видно, они были старыми знакомыми.

Обед удался на славу. Было что и выпить, и закусить. В центре стола возвышалась огромная миска с кусками дочерна обжаренного мяса, да тут же еще две алюминиевых тарелки с прозрачно-красноватым, без жира, студнем.

— Неплохо нынче пограничники живут, — добродушно подмигнул Григорьев, когда выпили по полстакана водки и принялись за закуску.

Это замечание не очень понравилось комбату. Он сразу нахмурился и, выждав, пояснил:

— Лоси на минах подрываются... Тянет их к реке, а у нас там сплошные минные поля.

— Что ж, бесплатное доппитание — это неплохо...

— Да нет, товарищ майор... Хлопот больше. Мясо то мы все равно приходуем, себе оставляем рога и копыта, как говорится... А каждый взрыв — тревога, проверка, рапорты, новое минирование. Участок большой, а людей все забирают и забирают.

— Финны часто на полосу выходят?

— В нейтралке следы встречаются. А сюда на линию... раза три-четыре были попытки небольшими группами. Вовремя обнаружили...

— А на Майгубу финны не через ваш участок вышли? — спросил Аристов, чтобы включиться в разговор. Они оба с Колесником до сих пор молчали, и это создавало какую-то напряженность в беседе.

— Что вы, товарищ комиссар... Туда они где-то со стороны Ондозера проникли.

— Скажи, капитан, — перебил Григорьев, — что, по твоим данным, представляет собой линия охранения у финнов? Где она точно проходит?

Капитан достал карту, и сразу же Колесник развернул свой планшет.

— Сам я далекой разведки не веду, ограничиваюсь наблюдением. Нет возможности, да и не положено...

Однако через участок проходит иногда армейская разведка, так что кое-какие сведения имею. Вас интересует участок между Сегозером и Елмозером? Тут финнам, как видите, повезло. Участок очень удобный для создания полосы охранения. Во-первых, дорога Падааны — Сяргозеро — Кузнаволок. Отличная коммуникация по фронту. Вторая дорога Сяргозеро — Шалговаара — Баранова Гора выходит к самым их минным полям, которые тянутся от Барановой Горы прямо на юг до Орченьгубы на Сегозере. Плюс к этому, финны имеют две охраняемые просеки позади полосы минных полей.

— А гарнизоны? Где есть гарнизоны?

— В каждой из названных мной деревень. Численности не знаю, но, думаю, небольшие. Вы рассчитываете переходить на этом участке?

— Да.

— Нелегкая у вас задача, — покачал головой капитан. — Я, товарищ комбриг, имею приказание оказать вам содействие. Чем могу быть полезен?

— Спасибо, капитан, пока ничем.

— До реки Войванец, — оживился капитан, — мои люди проводят вас. Можем, если нужно, сопровождать до линии охранения.

— Спасибо, не надо. Там мы пойдем сами, — улыбнулся Григорьев, понимая, что капитан, конечно, будет рад этому. Помолчав, он продолжал: — Давайте лучше условимся о сигналах. Не исключено, что мои связные будут выходить через ваш участок. Опознавательный сигнал — дважды поднятая над головой винтовка. При сближении пароль, ну хотя бы «Курок» — «Киев». Согласен?

— Хорошо. Все будет сделано.

Капитан повеселел. Его, как видно, тяготило неопределенное, но категоричное приказание оказать партизанам помощь, шедшее откуда-то из весьма высоких инстанций, и теперь, когда все прояснилось и никакой помощи практически не требовалось, он был доволен.

— Давайте выпьем еще по одной, по последней. За успех вашей операции. Буду рад, если на обратном пути снова встретимся за этим столом. Ни пуха, ни пера!

Выпили, закусили, принялись за чай.

— Колесник, я завидую тебе. Ты идешь на серьезное дело! — тихо сказал капитан, и все сразу примолкли, почувствовали неловкость, словно произнес он что-то явно лишнее и даже неуместное.

Допивали чай в напряженной тишине, как бы прислушиваясь и ожидая сигнала, чтоб встать и разойтись.

Такой сигнал последовал. Заверещал «зуммер», и комбату доложили, что из Сегежи прибывает катер. Видно, должны были привезти что-то важное для комбата, так как он, покусывая губы, произнес в трубку:

— Передай, скоро буду!

— Ну, и нам пора! — поднялся Григорьев и надел фуражку.

— Товарищи, если хотите, располагайтесь отдыхать здесь. Я велю принести матрацы. В лесу ведь комары спать не дадут.

— Ничего, капитан, — Григорьев поправил маузер, взял в руку трость. — Спасибо тебе. А насчет комаров — нам дело привычное.

— Почту, наверное, тоже привезли? — спросил Аристов, прощаясь с капитаном.

— Да.

— И газеты?

— Наверное.

— Сможете нам выделить несколько экземпляров?

— Конечно, конечно... Я пришлю, сразу же как разберем... Колесник, может, хоть ты останешься, отдохнешь здесь — койка, видишь, зря пропадает. Поговорим потом.

— Если хочешь, оставайся, — разрешил комбриг.

— Нет, я должен идти.

— Вечером я приду проводить вас, — крикнул капитан, когда они уже разошлись в разные стороны.

— Хороший парень, — улыбнулся Аристов.

— Только болтает много, — хмуро возразил Колесник. В поведении своего бывшего сослуживца он был чем-то недоволен.

Григорьев рассмеялся:

— Вот и угоди вам! Человек хотел каждому из нас приятное сделать, а вы его обсуждать взялись... Парень как парень, настоящий пограничник... Ну, кто как, а я на боковую. Только бы добраться до палатки.

Ровно в семнадцать Колесник разбудил комбрига:

— Разведгруппа готова к выходу.

— Да-да, сейчас.

Григорьев словно бы и не проснулся, а очнулся после странного, удушающего забытья. Пять часов пролетели как одно мгновение. Было жарко и непривычно. Солнце светило справа, и тени полосовали лес уже в другом направлении.

Лагерь спал. Ни звука, ни движения. Лишь кое-где, у едва курившихся костров сидели в ожидании смены взводные дневальные, да изредка кто-либо, разморенный жарой, не выдерживал, переползал в тень и тут же засыпал как убитый.

Григорьев из котелка плеснул на лицо тепловатой воды, вытерся рукавом гимнастерки и поднялся: идти умываться к реке не было времени.

Командир разведгруппы Андрей Полевик сидел у потухшего штабного костра напротив Колесника.

— Как настроение? — вполголоса спросил Григорьев, подойдя и устраиваясь рядом. — Сиди, сиди...

— Ничего, товарищ комбриг. — Полевик подумал и добавил: — Хорошее, боевое...

— Начальник штаба объяснил задание?

— Так точно.

— Будут изменения. — Григорьев покосился в сторону Колесника. Он знал, что начальники штабов больше всего не любят, когда в уже намеченный план вносятся какие-нибудь перемены. Но Колесник даже и глазом не повел, словно бы уже знал о намерениях комбрига.

— Смотри сюда, Полевик! — Григорьев расстегнул планшет, вынул и развернул карту. — Сразу за рекой возьмешь азимут 295 градусов. Выйдешь на эту просеку. По ней прямо на запад дойдешь до высоты 139,2. Отсюда это тридцать два километра. Отметь у себя — квадрат 34—58. Далее возьмешь азимут на южную оконечность Елмозера. Пока все, как и было раньше. Дойдешь до губы. Где-то здесь должны начаться минные поля. Будь осторожен... Минера берешь с собой?

— Беру. Даже двоих.

— Хорошо. Дальше повернешь не на юг, как раньше, а направишься вдоль восточного берега Елмозера. Задача — выяснить возможности переправы через Елмозеро. Особое внимание обрати на квадрат 12—54. Видишь, здесь озеро совсем узкое — меньше километра, место для переправы самое, казалось бы, удобное. Но есть два «но». Первое — на западном берегу бараки бывшего лесопункта, там может быть у финнов гарнизон. Второе — к берегу здесь плохие подходы: топкое болото, шириной более километра. Я бывал здесь и знаю: все дело в том — какая нынче вода в Елмозере. Если высокая — болото не перейти, если низкая — одолеть можно. Как ты знаешь, неделю назад туда ушла разведгруппа Громова. С заданием разведать перешеек. Сюргин идет с тобой?

— Идет.

— Хорошо. Эти места ему знакомы. Главное для тебя — впереди. Дойдешь до реки Елма. Вдоль нее финны держат линию охранения. Понаблюдай. Разведдай, есть ли там минные поля? Как часто патрулируется река? И поворачивай назад. Мы будем ждать тебя пятого июля в районе высоты 139,5, у озера Мальярви, в квадрате 28—46. Успеешь?

— Надо успеть. А какое это расстояние будет? Километров восемьдесят, пожалуй?

— Расстояние девяносто километров, — сразу же уточнил Колесник, на своем планшете следивший за маршрутом.

— Трудно успеть, товарищ комбриг... Очень спешить придется.

— Хорошо. Добавлю еще один день. Встреча шестого июля там же. К тому времени мы проведем тщательную разведку перешейка между Елмозером и Сегозером. Есть еще вопросы?

— Все ясно, товарищ комбриг.

— Тогда отправляйся... У тебя есть что добавить? — повернулся Григорьев к начальнику штаба.

— Есть. Мне понадобится полчаса, чтобы заново сделать для Полевика расчеты азимутов.

— Я сам сделаю, товарищ начштаба!

Колесник вопросительно посмотрел на Григорьева. Тот подумал и разрешил:

— Пусть сам. Парень грамотный... Ну, Полевик,

смотри не подведи в сроках. Для нас каждый день, знаешь... А главное, запомни — переход годится только скрытный!

— Понятно, товарищ комбриг.

ГЛАВА ВТОРАЯ

(пос. Услаг, 30 июня 1942 г.)

I

Прозвище «доходяга» родилось не у партизан. Оно пришло, наверное, из лагерного жаргона. Но в бригадном походе это слово приобрело столь исконный и наглядный смысл, что сразу получило самое широкое распространение и до конца войны среди партизан характеризовало целое явление походной жизни.

Одним из первых получил эту кличку боец отряда «Мстители» Вася Чуткин, восемнадцатилетний парень из Шелтозерского района. В партизаны он пришел в сентябре 1941 года и вскоре стал своего рода отрядной знаменитостью. Был он незлобив, покладист и до удивления безразличен к голоду и холоду, опасностям и радостям. На все у него был один ответ: «А мне чё?» И при этом Вася обязательно виновато улыбнется и подернет правым плечом. Сухопарый и длинноногий, он отлично ходил на лыжах, скользил легко и накатисто, однако это свое умение Вася показал лишь единственный раз, когда командир отряда послал его с донесением в штаб бригады через Онежское озеро. Шестьдесят километров Чуткин пробежал за восемь часов, и быть бы ему при награде и в должности связного при штабе, если бы в пути он не перезабыл все, что было ему поручено передать. От сурового наказания его спасло лишь то, что операция на западном берегу озера окончилась удачно и его забывчивость никакой беды отряду не принесла.

Вася участвовал во всех зимних операциях отряда, дважды ходил с диверсионной группой в свой район и один раз был послан со стариком Мякишевым в разведку в родную деревню.

Дмитрий Яковлевич Гусаров
ЗА ЧЕРТОЙ МИЛОСЕРДИЯ
Роман-хроника

Редактор *В. И. Чернецова*
Художник *Б. В. Воронежский*
Художественный редактор *Л. Н. Дегтярев*
Технический редактор *Л. В. Шевченко*
Корректор *Э. Г. Растатурина*

ИБ № 213

Слано в набор 29/XI 1976 г. Подписано к печати 1/IV 1977 г. E01520. Бумага 84×108¹/₃₂.
№ 1. 18,9 усл. печ. л. 18,68 уч.-изд. л. Изд. № 164. Тираж 100 000 экз. Заказ 907,
Цена 1 руб. 45 коп.

Издательство «Карелия». Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1. Сортавальская
книжная типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли Совета Министров Карельской АССР. Сортавала, Карельская, 42.

Гусаров Д. Я.
Г96 За чертой милосердия. Роман-хроника. Пет-
розаводск, «Карелия», 1977.
358 с.

Художественно-документальный роман посвящен героическому рей-
ду бригады карельских партизан летом 1942 года по тылам врага. Он
рассказывает о мужестве и самоотверженности партизан, о тяжелей-
ших испытаниях, выпавших им на долю, о негибамости советских
людей, о их патриотизме и верности долгу.

Г $\frac{70302-024}{M127(03)-77}$ 31-77

P2

